

НОВАЯ ГАЗЕТА

«НОВАЯ ГАЗЕТА. ЖУРНАЛ» • ОБЩЕСТВО

«Мы морально умерли. Ходить просить – нет сил»

Суджа. Год. Воспоминания из оккупации

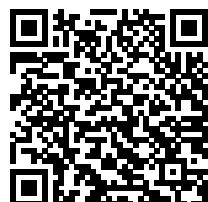
Фото: Егор Алеев / ТАСС

07:08, 13 октября 2025,

Татьяна Васильчук

спецкор

Полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами
вы можете прочитать [по этой ссылке](#) или отсканировав QR-код →

Мы договорились с Ниной Кузьминичной о встрече в центре Курска, на скамейке у советской гостиницы «Курск». В этой гостинице суджанам отдано несколько этажей. Это их пункт временного размещения (ПВР). Хотя честнее сказать – безвременного. Точных сроков о выдаче сертификатов на покупку нового жилья взамен разрушенного в Судже власти не дают. Да и часто вообще не обещают выдать хоть что-то взамен.

Тот страшный день, 6 августа 2024 года, Нина Кузьминична встретила в Судже, со своими взрослыми детьми – сыном Андреем и дочерью Галей. Поначалу она не хотела бросать дом, как дети ни уговаривали, а спустя день все же решилась выехать. Но было поздно, танки, дроны, украинские солдаты уже были в городе. Нина Кузьминична и ее дети остались в Судже, в оккупации.

После февральского удара по суджанскому интернату, где укрывались десятки человек, раненых и выживших украинцы вывезли в Сумы. Весной в список на обмен, на возвращение в Россию, попали не все. Нина Кузьминична и Андрей – да. А Галя не попала. По сей день она остается в Украине.

В марте в Минобороны заявили об освобождении Суджи. Эта новость тогда будто гласила: все, как раньше, суджане могут спокойно возвращаться в свои дома. Только домов нет. А прилеты продолжаются. И никому не нужные, пережившие смерть, люди есть.

Курск смакует остаток лета. Танцы подростков под фонтанами, встречи на кофе с круассаном за столиком в кофейне.

Сирена ракетной опасности гудит в «Перекрестке», зовет покупателей спуститься в подвал магазина — но никто даже не дернется. Ни покупатели, ни продавцы. Молодые люди в кулинарии продолжают выбирать готовый салат.

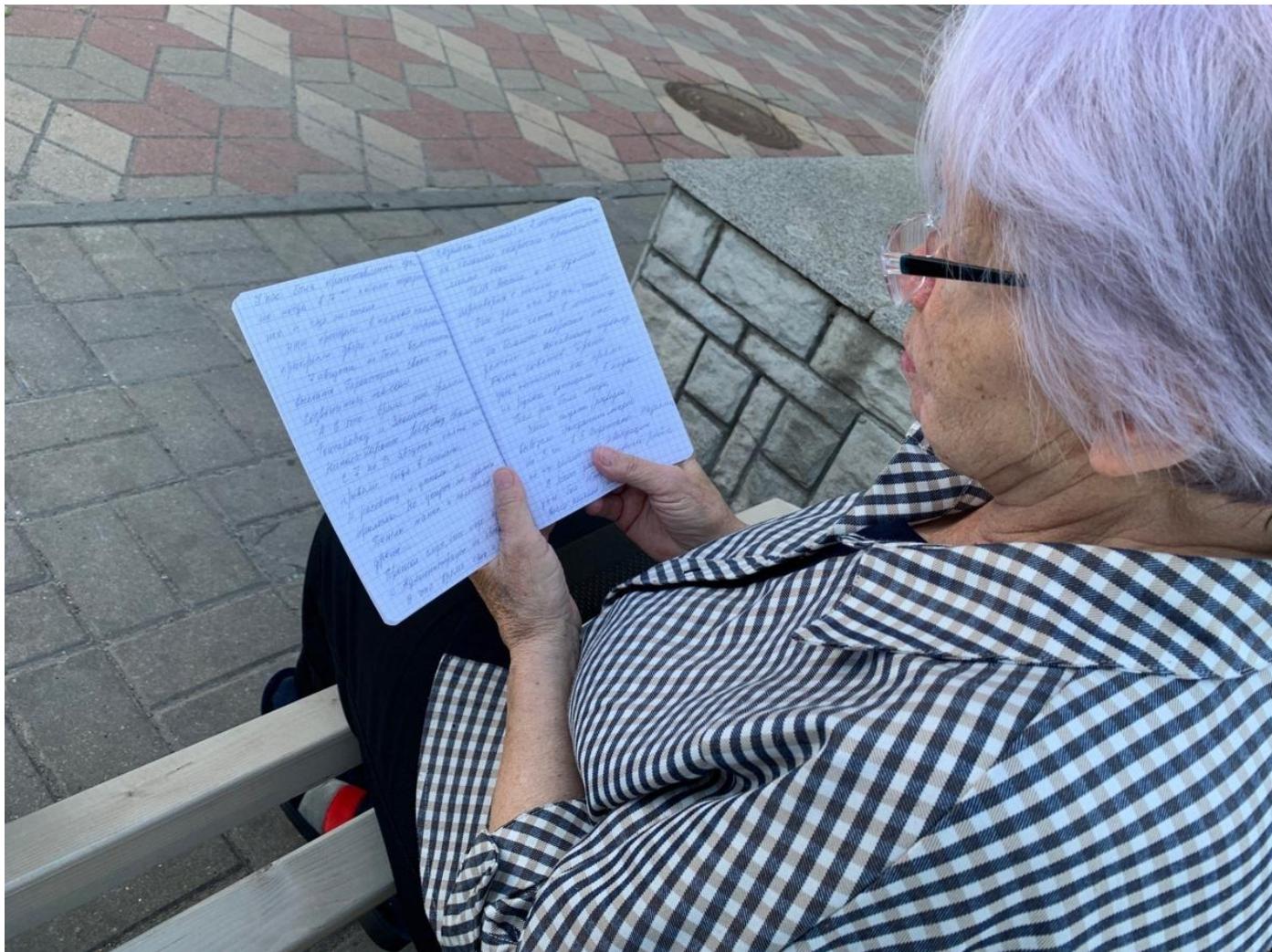
На скамейках у «Курска», рядом с клумбами гортензий, сидят бабушки в тапочках. И какой-то дедушка играет в игру на телефоне, она у него каждые пять секунд звонко пиликает.

Нина Кузьминична выходит ко мне из главного входа гостиницы, широко улыбается. Низенькая, седовласая, кивает охране и спешно идет ко мне, чуть шаркая тапочками по асфальту.

Держит в руках записную книжку, надевает очки и присаживается рядом со мной на скамейку.

Открывает дневник.

Весь наш разговор — это пересказ ее личных записей, начиная с 21 июля 2024 года.

Нина Кузьминична читает свои дневниковые записи. Фото: Татьяна Васильчук / «Новая газета»

«Мы запомнили, где они лежат. Родителям сообщим»

Двадцать первого июля проводили Егорку в армию. Егорка — мой внук, Галин сын. Он закончил курский колледж МЧС и уехал на срочную службу.

Светлана Алексеевна, работница военкомата, мне в тот день сказала: «Увозим ваших детей от ***». Через две недели у него была присяга, мы высматривали на видео нашего мальчика. А в это время граница грохотала. Телевизор успокаивал — «мышь не проскочит». Четвертого августа была служба в Свято-Троицком храме. Наш батюшка, отец Евгений, на проповеди советовал уезжать из своих домов.

Надвигается страшное.

Вечером, 5 августа, над домами, низко, в сторону границы пролетали вертолеты. В этот день были разбиты магазин и жилой дом рядом с санэпидстанцией. Не доходило до нас, что это прорыв.

Начало ночи было тревожным. К утру шестого услышали грохот на улице. Разбили здание прокуратуры, военкомата. Выгорел учебный корпус школы-интерната. Гражданские машины на большой скорости проносились в сторону вокзала, на Курск.

Ощущение было, как в ускоренном кино. Не было уже связи, воды. Газ еще оставался, но когда в пять часов вечера мы хотели разогреть еду — его уже не было.

В комнату зашла дочь с сумкой, сказала, что надо уезжать. Я отказалась, потому что буду приглядывать за жильем. Но Гале и Андрею посоветовала ехать на Курск. А они тоже отказались. Ночь просидели в темной спальне, прикрыли двери и окна покрывалами. Седьмого августа не было возможности выехать. Транспорта своего нет. Созвониться не с кем. В это время уже громили соседние села. С 7 на 8 августа ночь провели сидя. С рассветом пошли танки и полетели дроны.

Прошел слух, что надо идти к администрации на эвакуацию. В это время одна та же желтая газелька и два мотоциклиста на большой скорости проносились мимо окон. Гале удалось переговорить с ними. Они дали нам 30 секунд, чтобы сесть в машину. На большой скорости нас привезли к подвалу Дома Советов (так Нина Кузьминична называет здание районной администрации. — Ред.). Дроны охотились за нами, нас прямо на руках затащили в подвал. Там уже были люди, наши солдаты. Солдаты вывозили гражданских по восемь человек в

село Большое Солдатское, в 25 километрах от Суджи. Мы тоже надеялись на эвакуацию. В этот день последний рейс был обстрелян. Были раненые в рейсе, но все выжили.

Суджа. Фото: Татьяна Васильчук / «Новая газета»

Гая и Терентьев Слава, наш сосед по дому (наш дом был разделен пополам — на две квартиры), составили списки на эвакуацию. Наша очередь была на утро 9 августа. Солдаты на двух мотоциклах поехали на разведку, чтобы узнать, какой дорогой нам проехать. Их долго не было. Тогда маленький солдатик переоделся в гражданское — он очень был похож на ребенка, его посадили на велосипед и отправили посмотреть, что с ними. Они лежали на железнодорожных путях. Расстрелянные. Они дороги не знали. Они вообще местности не знали... Я спросила у их старшего — как же с телами? Он говорит: мы запомнили, где это. Сейчас возможности нет их

вывезти. Но родителям сообщим. И когда все закончится, окажем им почести.

Мы оставались в подвале архива Дома Советов. Людей было около ста человек. Четверо суток мы сидели там. Выходить было нельзя. Здание было окружено дронами. По нужде ходили в ведра, выносить их было некуда. Естественно, вся комната была загажена. Потеряли обоняние, осязание. Не слышали запахов. Ни голода, ни жажды не чувствовали. Наши солдаты отдали свои пайки семьям с детьми и принесли из взломанного магазина несколько батонов и яблок. Каждому достался ломтик батончика и яблочко.

В подвале оказывали помощь раненым военным. Солдаты приносили на руках обожженных танкистов. Фельдшер делал операции на полу и на сдвинутых стульях.

Помогали раненым Сорокина Таня, она работала в паспортном столе, Козлова Светлана, работала хирургической медсестрой, и моя дочь, Скобеева Галина, она работала в Росреестре.

Страшно было смотреть, как раненые мучились. У кого артерия перебита, у кого руки обожженные. Им надо лежать. А больно же, ожоги. Они бедненькие как ваньки-встаньки. Сгорает человек. Жутко: мы можем сидеть, а они заставляют себя лежать. Не могут, но заставляют.

Один парень снял футболку. Надел на раненого. Говорит: чтобы она тебя спасла.

Лежал рядом парнишка с растертыми ногами. Первый раз я такое месиво видела. Мясо. Мужчина смазал свои носки каким-

то раствором и надел эти носки парнишке.

Когда во двор Дома Советов заехал танк и начал бить по нашим стенам, произошло очень сильное задымление. От страха все забились в коридор подвала. Стояли, как селедки в бочке.

Дроны жужжали, как рой пчел. Военные сказали, что им с нами оставаться нельзя, это опасно для гражданских. Дроны засекли военных. В последний момент солдаты раздобыли для нас печенье, колбасу, в магазине нашли немного бутилированной воды. А сами забрали раненых и ушли, обещая навестить нас, когда все закончится.

Март 2025 года. Женщина из Суджи и сотрудница Центра медицины катастроф во время эвакуации. Фото: Максим Григорьев / ТАСС

Когда мы вышли из подвала и поднялись на третий этаж, насчитали сорок дронов над зданием. Жужжали разными вибрациями. В подвал вошли украинские военные с оружием и журналисты. Кто-то говорил на русском, кто-то на украинском. Люди были шокированы. От страха молча смотрели. Прессе

хотелось больше услышать негатива об СВО. Когда в Суджу вошли первые вэсэушники, на улице стоял грохот, стрельба, взламывали двери, били окна. Наш забор из цемента был раздавлен военной техникой. Деревья корчевали вместе с корнями.

Украинские солдаты открывали аптеки и магазины, сказали нам, что надо сделать запас еды, воды и медикаментов.

Нужны были антибиотики и перевязочные материалы — было много раненых. Спали на полу на матах, вплотную друг к другу. Но подвал есть подвал. По стенам стекала вода. Дышать было тяжело. Не все нормально переносили такие условия. На улице жара. А у нас пневмония.

«Осколок вонзился в сонную артерию. Никто не заметил ночью»

Стало легче, когда на крыше разбитого в щепки учебного корпуса интерната разместились охрана из украинских солдат. Мы переместились в интернат. Солдаты выдали нам пропуска, по которым мы могли выходить на территорию города с 10 до 17 часов. Разрешили приносить из наших домов в интернат картофель, лук, морковь, огурцы, заготовки.

У нас во дворе росли розы. Мы просидели в подвале больше месяца, дождей не было, ни единой капли воды на розы не упало. Но какие у нас стояли шапки роз... Обычно поливаешь и все равно висят желтенькие листики. Эти были ярко-зеленые. Помидоры без воды висели красными гроздями, по двадцать штук. Господь нас кормил.

Суджа. Фото: Егор Алеев / ТАСС

С едой стало лучше. Таня Сорокина была главным поваром. Варила борщи на обед. Кашу на завтрак. В конце августа украинские солдаты разрешили нам разместиться в спальных комнатах. В подвале было невозможно оставаться — по стенам стекала вода. Жара на улице, испарения от людей.

Раздали фонарики. Как карандашки. Ими пользовались в подвале, где прятались при обстрелах. В верхних помещениях, где мы спали, включать их было запрещено.

Туалетные ведра стояли в подвале. Туалет — проблема. Не все понимали, что за собой надо следить. Гадили, где придется. Естественно, были оскорблений и скандалы. Люди не могли понять, что это не санаторий. Ну старому человеку как докажешь, что это временное убежище? Были недовольства. Почему, говорят, такое обращение к нам, ведь надо и обеды нам, и полдники надо. Думали, будто за ними ухаживает оплачиваемый персонал.

Приходилось объяснять жильцам правила поведения, но это было временное понимание. В интернат приходили новые люди, до этого прятавшиеся в домах, и все начиналось сначала.

Украинцы вскрывали магазины, «Пятерочки», а суджанские люди привозили оттуда продукты. Украинцы говорили: «Вы берите больше, потому что зима будет долгой».

Мы как в воду опущенные это слушали. Как это — и зиму здесь будем? Неужели их не прогонят зимой?

Галя общалась с военными и помогала раненым вместе с медсестрой и врачами, они начали ей доверять. Они говорят: «Надо написать списки людей, чтобы они не были потеряны». Военные знают, как это — потерять людей. Галя составляла списки. Ей приходилось выхаживать больных. Ставить в раны дренаж, выковыривать осколки. Даже пришлось пришивать снесенный скальп. Пострадал наш инвалид Ванечка.

У него неврологическое заболевание — он ходит, раскачивается, не может сидеть. Он как маятник. Упал на ступеньках общежития интерната, а ступеньки из кафеля. Дождь прошел, он поскользнулся, и снес себе скальп. Когда его осматривали уже в больнице Сум, в феврале — там мне сказали: какие чудеса твоя дочь творит — незаметно зашила, словно тоненькой ниточкой.

Страшно было, когда умирали люди. Когда кусок стекла вонзился в артерию во время сна Галине Ивановне. Галина Ивановна была учительницей у нас в школе, была старенькая. Очень доброжелательный человек. Звала меня: Ниночка, Ниночка...

Я ей все говорю: может, помочь вам, Галина Ивановна? Она мне: да нет, я справлюсь. Ведерко сама свое носила, хотя ей было тяжело. А легла спать. Прилетел дрон, разбилось стекло, и осколок вонзился ей прямо в сонную артерию. Истекла кровью. Никто не заметил ночью. Утром обнаружили уже остывающий труп.

Приходилось вскрывать медкабинет, чтобы добывать сердечные лекарства. Татьяне, учительнице, стало плохо — ей надо было в больницу. Да в какую больницу... К утру ее не стало. Тромб оторвался.

Господь сжался — сделал дни короче

Украинцы привозили хлеб в интернат. Тем, кто жил в домах, раздавали пайки, муку, крупы, макароны, иногда мясные консервы. Все это было в присутствии украинских корреспондентов. С началом зимы становилось прохладнее. Люди кучковались по 6–10 человек, устанавливали буржуйки, находили дома, где можно было поставить котлы под дрова. Мы с сыном, дочерью и еще семь человек стали жить у Антона Мозгового.

У него, конечно, шикарный дом. Он пожертвовал ремонтом, в большом зале поставил буржуйку, четырехведерную кастрюлю с водой. Там постоянно была горячая вода. Во дворе, на костре или в котлах варили еду. Над нами, наверное, Господь есть. Зима была мягкая, снега почти не было, припорошило только.

Суджа. Местная жительница на одной из улиц города. Фото: AP / TASS

С водой сначала было туго. Ходили с сыном брать ее к мосту. Там река с проточной водой, по щиколотку. Мы кружками набирали воду в бутылки, потом приходили домой помыться. А еще... Там же головастиков море. Через штору процеживали эту воду, чтобы пополоскать белье. Не с головастиками же стирать.

Потом уже ребята нашли на улице старый фонтанчик с водой, отремонтировали его.

Готовили пищу, старались экономить свечи, ужинали и ложились часов в семь вечера. После семи засыпали или считали прилеты. Если начиналось с глухих ударов — все сжималось, старались ногами нащупать сумку с документами, скоро прилет будет близко. Так было, когда наши подходили к Судже — сдвинулся фронт.

Лопались люстры после прилетов. Представляете, вакуум? Мы в комнате сидим, а люстры лопаются. Когда вернулись в Россию, с

нами работали психологи. Но нижняя кишка как легла тогда под желудок, так она там сдавленной и осталась. Казалось бы, надо уже спать спокойно, чтобы тело расслаблялось, а оно в комке до сих пор.

Что странно: дни летели очень быстро.
Наверное, Господь Бог сжался над нами.
Страха и истерики не было. Воспринимали все
как кинопленку.

Галя и Антон ежедневно ходили в интернат, помогали людям. Международному Красному Кресту было удобно, было к кому обратиться с вопросом — Галя и Антон знали проблемы каждого человека, кому какое лекарство нужно, кому необходим осмотр доктора, кому поменять одежду и памперс.

Зимой по городу было много прилетов. Дома как коробки горели, разрушались. Ходили смотрели на наши дома. Дочка мне говорит: «Мама, не ходи. Зачем ты пойдешь туда?» Я говорю: «Галя, я истерить не буду. Плакать не буду. Выть не буду. Просто, может, что-нибудь там с собой возьму». Приходила — видела, что двери лежат, стены лежат. Разум с действиями был несовместим. Ходила, смотрела. Надо было взять фотографии, иконы, Библию. Единственное, что было цело — калитка. Она стояла. Забор лежал. Ничего вокруг нет, зато калитка на замке.

Собаки, кошки, поросыта, козы шли следом за людьми. Кто руки лижет, кто скулит. Всех не накормишь. Много скота погибло. Коровы мычали и гибли от мастита — раздувалось вымя. Бараны лежали, раздавленные танками.

Наш сосед вырывал ямы в газонах и закапывал туда раздувшиеся трупы, было страшно, чем все может закончиться.

С магазинов тянется вонь, холодильники разморожены.

Как хоронили людей... У Гали были паспорта тех, кто умирал. Но она даже со мной не делилась, кто это был, говорила: «Мам, ты чем меньше будешь знать — тебе будет спокойнее».

Я только видела эти черные пакеты, закрученные скотчем. Галя вела ведомость умерших, писала записку с номером, записку засовывала в пакет с телом, а в ведомости писала — в каком месте захоронен и под каким номером. Была одна женщина, которая пошла в комендатуру к военным, стучала там кулаком по столу, возмущалась: «Почему вы разрешаете хоронить на территории интерната? Это же учебное заведение». Как они еще ее за такое не застрелили...

Но людей же надо где-то хоронить. Они будут гнить, разлагаться. Военные сказали нашим ребятам перезахоронить тела на кладбище. Но это было опасно — там летают дроны. Они приезжали с захоронений — машины пробиты осколками. Выкопали яму, на 60 сантиметров труп прикопали. Но в каком там все состоянии... Гале приходилось идентифицировать, кто это — мужчина или женщина. Были разложившиеся тела. Их доставали из подвалов. Кто-то от страха спрятался, вылезти не смог. Жарко было: они там распухли, органы были в жутком состоянии. У соседей спрашивали: кто здесь с вами жил, мужчина или женщина?

«Начальству виднее. Ходить просить — нет сил»

Второе февраля. Город маленький, из любого дома почти все видно. Вечером увидели высокий столб пламени и черный дым, но предположить не могли, что прилет был в здание с людьми,

в интернат.

Всю ночь была эвакуация людей из интерната в Сумы. Кого — в больницу, кого — в ПВР Международного Красного Креста. К нам приехали военные ВСУ в пятом часу утра. Забарабанили в окна, все с автоматами. Объявили, что на сбор семь минут. Галю заставили взять списки. По этим спискам определили, кто под обломками, и началась эвакуация.

По спискам в интернате было 115 человек, а привезли в Сумы 105. Десять человек сначала не досчитались. Украинцы вернулись и нашли двух. Оказалось, что восемь погибших осталось под завалами. Двое решили остаться в Судже. У одного тут мама лежачая, куда он поедет?

Фото: Егор Алеев / ТАСС

В Сумах в ПВР: боль, стоны, грязь, мокрые постели, одежда, испражнения, кал и моча мимо унитаза. На этой почве ссоры,

оскорблений. Приезжали сотрудники Красного Креста, журналисты все это фиксировали, указывали на плохую уборку, на жалобы людей, на плохое медобслуживание. От всех болезней был парацетамол. Красному Кресту делали заявки на лекарства.

Вначале на сто человек был один унитаз и одна душевая кабинка. На этаж. Наши мужчины сделали туалетные кабинки, установили умывальники. Колотили цемент, выковыривали старые унитазы — они были в очень плохом состоянии, ставили новые унитазы. Подключили несколько стиральных машин. Я не знаю, откуда их к нам привозили. Директор этого заведения был украинец, а само заведение — Международного Красного Креста. Но нас ими обеспечили. Стало чище. Украинские женщины варили еду, а наши девчонки были на раздаче. Вначале к нам было настороженное отношение, но потом все наладилось.

Мы на втором этаже располагались, а на третьем — эвакуированные украинцы. Запорожцы. Но видеться нам не давали, между этажами стояла охрана. Хотя наши мужчины устанавливали унитазы и раковины и на их этаже.

В комнатах жили по четыре-восемь-двенадцать человек. В зависимости от площади. Это было какое-то детское учреждение. Обшарпанное, старенькое. На стенах нарисованы детские рисунки.

Четвертого марта отправили через Беларусь в Россию 33 человека — в основном больных, раненых и инвалидов. Я и сын попали в эту партию, Галя не попала. Мне — 75, а сын — инвалид детства второй группы, у него эндокринное заболевание, ему 51, но выглядит он на 17, человек-спичка. Взорвется ни с того ни с сего, а потом просит меня: «Мам, прости-прости». Ему требовалось постоянное употребление гормональных препаратов. Красный Крест привозил, но той

дозировки хватало на 10 дней. В Судже он шесть месяцев пил просроченные лекарства, у которых срок годности истек в 2019 году. Я их просто почему-то не выбросила. Почему — один Бог знает.

О нашей семье ходили страшные слухи в Курске — что нас расстреляли. Внучка рассказывала, что от слез не высыхала, а внук в армии мог натворить непоправимое.

Спасибо родственникам, которые связались с его командиром, провели беседу, все рассказали, что с нами.

С 12 марта мы с сыном живем здесь. Не знаем, как чувствуем себя.

Связь с дочерью есть, созваниваемся по телеграмму, ей дают позвонить, но что мы можем сказать друг другу? Я мать, жду, переживаю за свое дите. Очень больно. Она тоже мать. Скоро ей исполнится 50 лет. Уже десять месяцев потерянного времени жизни. Люди, которые остались там, держатся за нее как спасительницу. Просят, чтобы она их не оставляла. У Гали военные спрашивали, наши и украинские: а вы медучреждение заканчивали? Нет, говорит, я просто имею сына. И каждая мама — лекарь.

Говорит, что день и ночь раздаются взрывы. Стены дрожат. Повторяется Суджа.

А я тут...

Я отнесла документы на получение сертификата, спрашиваю: «Когда же нам надеяться?» Мне говорят: «Может, где-то в конце сентября попадете на сертификат, неизвестно».

В гостинице я живу на десятом этаже, Андрей — на пятом. Это плохо. Он мечется с пятого этажа на десятый. Психика у него нарушена. Но здесь есть начальство — им виднее. Ходить просить — нет сил. Мы морально умерли.

«Сиди, пока всех не отправишь»

24 августа появилась новость: в результате обмена Украина вернула восемь жителей Курской области, которые находились в Сумах с февраля, после разрушения суджанского интерната. Российский омбудсмен Татьяна Москалькова заявила: «Можно выдохнуть спокойно: куряне дома, точнее сказать, почти дома — они на безопасной, дружеской территории, окружены самой искренней заботой. Благодарю белорусских коллег за предоставление уникальной площадки и всего необходимого».

Я позвонила Нине Кузьминичне. Спросить про Галю.

Гая в этот обмен не попала. Вот что сказала ее мама:

— Гале так и сказали, не знаю кто, но сказали: «Сиди, пока всех не отправишь. Будешь последняя». Эту группу смогли отправить только на третий раз. То транспорт не выделят, то еще что-то. Это старенькие и те, кто невменяем — например, молодой человек с психическим расстройством и глухотой. Из интерната 16 человек остается в Сумах. И шесть или семь человек, которые ждут возвращения в Россию от своих родственников в Украине.

У Нины Кузьминичны периодически появляется связь с Галей. В момент нашей встречи звонок не прошел.
Фото: Татьяна Васильчук / «Новая газета»

Галя и нашим людям там нужна, они без нее как без рук.
Вопросы решить — к ней бегут. Кому-то плохо — к ней бегут.
Миротворческая работа у нее.

...У нас беда и здесь. У сына дорогостоящее лекарство, оно нужно ему для гормональной терапии. Он уже сильно нервничает. А даже на складе его нет. На горячую линию областного минздрава позвонила — тоже нет его. Раньше в Судже приносили это лекарство в аптеку, бесплатно, выписывали нам через областной бюджет, оно же дорогостоящее. Но сейчас его во всей области, как говорят, нет.

«Десмопрессин» — гормональный препарат. У сына сейчас сколько заливается, столько и выливается, это бесконтрольно. Непроизвольный энурез.

Я переживаю, очень переживаю за своих детей.

Этот материал вышел в двенадцатом номере «Новая газета. Журнал». Купить его можно в [онлайн-магазине](#) наших партнеров.

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ:

[«Мы сдали анализы ДНК. Но этого звонка я никогда не буду ждать»](#)

Суджа. Год. Специальный репортаж «Новой» из Курска

10:03, 10 сентября 2025, Татьяна Васильчук

[Смогут ли жители Суджи вернуться к нормальной жизни?](#)

В новом выпуске – разговор со специальным корреспондентом «Новой газеты» Татьяной Васильчук

13:26, 29 сентября 2025, Антон Орехъ, Сергей Соколов, Татьяна Васильчук